

Константин Веснин

Приют горного странника

чтение на отдыхе

Константин Веснин

Приют горного странника

«Издательские решения»

Веснин К.

Приют горного странника / К. Веснин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901039-1

Гостевой дом «Приют горного странника» становится местом пересечения жизненных путей погруженного в творчество художника, одинокой женщины, нежно любящей друг друга немолодой пары хозяев гостевого дома, самобытного и эксцентричного старика, счастливой четы молодоженов. Происходит преступление... и за короткий промежуток времени у героев меняются взгляды на жизнь, рождаются и рушатся надежды...

ISBN 978-5-44-901039-1

© Веснин К.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Приют горного странника

Константин Веснин

*Василию Васильевичу Шмурадко
с уважением и признательностью.*

© Константин Веснин, 2018

ISBN 978-5-4490-1039-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Горы... уснувшие много-много лет назад громадные исполины... Что кроется на устремленных в небеса вершинах? Какие тайны хранят изборожденные бесстрастным временем седые каменные склоны? Что заставляет с замиранием сердца любоваться вашей суровой, монументальной красотой? Язык не в силах выразить словами грандиозность творения... Вершины, камни и снега – высочайшие ступени, последние еще подвластные человеку перед необозримым океаном небесной вечности. Человек всегда стремился в этот небесный храм, где нет места суетному миру, где под лучами солнца и светом звезд царствует вечное безмолвие...

Уральские горы, древние старцы, вам много миллионов лет, ваши хребты горделиво раскинулись от далеких северных морей до жарких южных степей. Холодные зимние вьюги надевают на ваши вершины волшебные снежные уборы, превращая поросшие лесом подножия и седловины в декорации величественной сказки. Низкое заходящее солнце набрасывает на вас оранжевые и желто-фиолетовые покровы, играя радужными переливами в ледяных панцирях, покрывающих крутые склоны.

Летом вы отряхиваете последние остатки зимней спячки, умываясь бурными речными потоками, и одеваетесь в безбрежное море цветочного разнотравья высотой выше человеческого роста. Ваши подножия обрамлены красавицами елями, а вершины, покрытые ветвистыми можжевельниками, пестрят ковром лишайников вперемежку с ягодниками брусники, голубики, черники, шикши.

Наступает осень, и невидимый художник раскрашивает золотисто-оранжевыми цветами травы и листья деревьев, добавляет ягодникам бурые оттенки...

Часть 1

– «Скажи, Лизетта, так же ль у тебя от счастья бьется сердце?»

– Лео, милый, подай кастрюлю с овощами.

– Пожалуйста, Лизи. «И если так же, найди слова, которых я лишен, чтоб выразить, что нас переполняет. Пропой хоть звук из хора голосов, которые бушуют в нашей встрече».¹

– Ах, Лео дорогой, подай мне лече и на мгновение ротик свой закрой.

– Ну что же, придется спуститься с поэтического Олимпа в наше прозаическое бытие, милая Лизи. Прими от меня сей драгоценный дар небес – лече.

Такой, не лишенный легкого юмора и лирической окраски диалог, происходил утром, когда августовское солнце мягким светом будило еще спавший маленький поселок, ютившийся у подножия горного хребта. Небольшое озеро с прозрачной ледяной водой посеребрило свою гладь первыми солнечными лучами. Оно, как и хребет, носило название Медвежье.

На берегу озера раскинулся небольшой поселок Горный. Со всех сторон его обступал вечнозеленый хвойный лес, где на западе, над верхушками вековых елей, пихт и лиственниц вздымалась к небу седая вершина хребта Медвежьего, довольно часто укутанная белесыми туманами или темно-серыми грядками туч.

Почти все дома поселка были построены еще в первой половине двадцатого века. Некоторые из них покосились и вросли в землю, заборы обвалились, заросли бурьяном и крапивой. Раньше люди охотились на медведей, волков, лисиц, белок и перелетных птиц, но теперь прилежащие к поселку земли были объявлены заповедной зоной, и охота прекратилась. Ей на смену пришел туризм.

Поначалу первые энтузиасты совершали восхождения на хребет и пешие походы вокруг озера. Затем, когда туристический поток стал превращаться в многоводную реку, появился первый гостевой дом, затем – второй. Гостевой дом «Приют горного странника» располагался в начале главной улицы поселка с незатейливым названием Лесная.

Пройдя через калитку в металлическом заборе, вновь прибывший горный странник ступал на гравийную дорожку. По левую руку, вдоль забора, тянулись хозяйственные постройки, начинающиеся дощатым навесом, обнесенным металлической сеткой. Здесь обрел пристанище большеголовый мохнатый пес по кличке Буян. Он оправдывал свое имя – дажемышь не могла проскочить мимо, не будучи грозно облаянной. За местом проживания Буяна находился заброшенный загон, где ранее находили кров куры, козы и прочие деревенские обитатели, а теперь покосившаяся деревянная крыша и припавшая на бок ограда грустно взирали на новомодную соседку – обнесенную частоколом мангальную зону под свежевыкрашенной голубой краской металлической крышей. Двор был открыт не утихающим ветрам, да и человеческое небрежение сыграло свою роль – кругом благоухали заросли дикорастущих трав, цветов и кустарников.

Вернемся к нашему вновь прибывшему горному страннику. Будучи облаянным Буяном, он оказывался в центре двора и по мощеной гравием дорожке подходил к одноэтажному дому, внешний вид которого наводил на мысли о недавно проведенном капитальном ремонте. Крытую красной металлической черепицей крышу венчала круглая деревянная мансарда, в виде башни устремляющаяся вверх остроконечным шпилем.

Пройдя через террасу, горный странник ступал в небольшую прихожую, где его взору открывался просторный холл. Посередине, на мягком ковре, удобно расположились небольшой диванчик и стоящий перед ним столик. На лакированной поверхности столика можно было бы увидеть поле для игры в шахматы, если дать себе труд убрать постоянно находящи-

---

¹ * Здесь и далее по тексту, если специально не оговорено, герой романа приводит цитаты из драматических произведений У. Шекспира (прим. автора).

еся на нем газеты и журналы, претендующие на внимание своими яркими обложками. Подобранные в тон темно-синим обоям голубые занавески на окнах создавали приятный для глаз полумрак и ощущение прохлады.

Отсюда хозяйка гостевого дома могла провести горного странника в один из шести выходящих дверями в холл номеров или, по его желанию, показать ему путь в столовую, куда вела деревянная лестница со слегка поскрипывающими ступеньками. По ней горный странник, вслед за хозяйкой, спускался вниз. Его взору открывалась комната, где большой бильярдный стол и жавшиеся к стенам стулья с уважением взирали на картины с изображением морских пейзажей. Здесь царил полумрак да тонкий слой пыли, осевший на тяжелых рамах картин.

Побродив по бильярдной, где все дышало тишиной и покоем, проголодавшийся странник попадал в столовую. Здесь от полумрака не оставалось и следа. Струясь из множества ламп, свет отражался от белых панелей стен, играя и переливаясь на чинно выстроившихся в ряд чайниках, сахарницах, солонках и других столовых предметах рангом пониже. А хозяйка исчезала за дверью кухни, в которую можно было попасть только из столовой, откуда вскоре появлялась вновь с подносом блюд, манящих горного странника всевозможными ароматами. И именно в этой кухне и происходил описанный выше диалог.

Стояли последние деньки уходящего лета. Ночами уже примораживало. Утренний воздух приобретал тот неповторимый аромат и бодрящую свежесть, характерные для приближающейся осени. Где-то в дальнем конце поселка хрипло прокричал первый петух. Ненадолго воцарилась тишина. Но вот уже второй, а за ним и третий петушиный крик нарушили прозрачную хрупкость раннего утра. Петушиный хор поддержал короткий, отрывистый собачий лай.

– Буян проснулся. Может, кто-то приехал, Лео?

– Нет, милая Лизи. Выскажу гипотезу, что это Муза отправляется на травяное пропитание.

Глядя на свежее румяное лицо женщины, обрамленное светлыми волнистыми волосами, тонкую полоску губ, в уголках которых играла легкая улыбка, и большие выразительные серые глаза, трудно было поверить, что ей недавно исполнилось пятьдесят лет. Белый передник туго обтягивал голубую блузку и серую длинную юбку, подчеркивая все еще стройную фигуру. Она позволила себе только одну временную слабость: в отсутствии постояльцев или, как она называла их – гостей, надеть мягкие розовые тапочки.

Рядом с ней, за небольшим кухонным столиком, сидел мужчина, неспешными глотками наслаждающийся чашечкой кофе. Он еще не вышел из того переходного периода, который отделяет мужчину «еще ничего» от «уже пожилого человека». Для своих пятидесяти восьми лет он сохранил живое выражение лица. В его пронизательных, с мягким прищуром глазах до сих пор искрился огонек любви к жизни, пронесенный через невзгоды и потрясения. Припорошенные сединой волосы, высокий лоб, горделивая прямая осанка... Когда-то он был красив. Сейчас же его внешность без сомнения можно было назвать благородной. Свою спутницу жизни он называл Лизи, слегка напевно, придавая голосу нотки мягкой задушевности. Она отвечала ему выразительным взглядом, в котором, в зависимости от обстоятельств, сквозили нотки иронии, укора или нежности.

С улицы слышались собачьи поскуливания, перешедшие в протяжные завывания.

– Лео, что-то Буян в последнее время стал вставать с петухами...

– Да... «стало беспокойно в Датском королевстве». Иду! Судьба меня зовет!

И Лео, а точнее Леопольд Фомич, хлопнув себя по коленям, решительно поднялся.

– Покормишь Буяна, отрегулируй водонагреватель. Сегодня потребуется много воды! – крикнула ему вслед Лизи, а вернее – Елизавета Капитоновна.

Покинув кухню, Леопольд Фомич прошел на лестницу, ведущую в холл. Он любил эту лестницу, по какой-то непостижимой случайности избежавшую руки плотника во время недавнего ремонта дома. Ее поскрипывающие ступени, перила, испещренные маленькими трещин-

ками, навевали на него сладкую грусть, грезу о старом как будто бы их с Лизи доме, где живут тишина и любовь... Он всегда останавливался на этой лестнице, поглаживал рукой ее шершавые перила, принюхивался, вдыхая запах старого дерева... И в это утро его взгляд, пропущенный по перилам, остановился на паутинке. Он уже хотел смахнуть ее рукой, но ахнул, замерев: сквозь окно бильярдной солнечные лучи играли на сетке паутинки радужными переливами. Занесенная над ней рука опустилась, и Леопольд Фомич осторожно прошел мимо.

В прохладной свежести утра витал терпкий аромат покрытых росой трав. Обойдя дом, он очутился перед центральным входом. Завидев хозяина, Буян заскулил еще громче, отчаянно заколотил хвостом и, в порыве переполнявших его радостных чувств, навалившись передними лапами на сетку, гавкнул пару раз.

– Ну... ну, буде... буде... Ты у нас штатный работник, и рацион тебе положен по предписанию начальства.

Убрав засов и открыв маленькую калитку, Леопольд Фомич обхватил руками большую голову собаки и потрепал ее за загривок, потом повалил Буяна на бок.

– Ну... что, нравится?

Пес с удовольствием завалился на спину и приподнял лапу, позволяя Леопольду Фомичу похлопать и почесать себя. В свое время он взял его еще двухмесячным щенком, пузатым, неуклюжим. И теперь здоровый трехлетка алабай только Леопольду Фомичу позволял с собой такие вольности.

– Вот тебе... ешь, – Леопольд Фомич наполнил собачью миску кашей с мясом, налил воды. Пес начал жадно заглатывать еду, периодически поглядывая на пакет в руках Леопольда Фомича. – Ешь, ешь, я подожду. Что, спрашиваешь, не забыл ли я десерт? Не забыл, сначала доешь кашу.

Но пес присел на задние лапы, отчаянно забил хвостом и заскулил.

– Все... ладно... убедил, получи, – Леопольд Фомич достал из пакета очищенный банан, но не успел кинуть его в миску. Пес подхватил банан на лету и, отойдя в угол вольера, зарычал.

– Все, все, ухожу, – Леопольд Фомич затворил за собой калитку и надежно закрыл засов.

Отрегулировав водонагреватель, Леопольд Фомич вспомнил, что заканчивается запас дров для бани. Он распрямил плечи и сделал несколько взмахов руками – этот привычный ритуал предшествовал колке дров. Чувство легкости в теле и беззаботной радости переполняли его. Откинув со лба волосы, он выбросил вперед правую руку:

– «Ночь сердится, а день исподтишка расписывает краской облака. Как выпившие, кренделя рисуя, остатки тьмы пустились врассыпную. Пока роса на солнце не сошла, и держится предутренняя мгла...»

Рука опустилась вниз, на мгновение он замер, медленно скользя взглядом по вершине хребта, освещенного лучами солнца. Послышался крик петуха, ветер зашумел в зарослях у забора. Он немного постоял, вздохнул и завернул за угол добротной, сложенной из крупных сосновых бревен бани. Здесь была поленница с дровами. Поплевывал на руки, взял топор... Время исчезло из сознания, все слилось в единых движениях сильных рук...

Покончив с дровами, Леопольд Фомич немного походил по двору, успокоил дыхание и вернулся на кухню, где и застал Елизавету Капитоновну, окруженную кастрюлями, источающими манящие ароматы. Он не удержался и поцеловал жену, затем расслабленно откинулся на спинку стула и, закинув ногу на ногу, залюбовался ею.

...Вот настоящая женщина, как она цветет!

Но от внимательного наблюдателя не ускользнуло бы некоторое беспокойство во взгляде Леопольда Фомича, и беспокойство это было за жену.

– Лео, милый, – бодрый голос Елизаветы Капитоновны вернул его к действительности. – Ты, конечно, хорошо сидишь. Между прочим, скоро уже будут подъезжать гости. А у нас еще не все дела сделаны.

Ответом ей была блуждающая улыбка на лице мужа и его мурлыкающий голос:

– Лизи, посмотри мне в глаза...

– Лео, перестань! Ты же прекрасно понимаешь, что сейчас не время для нежностей. Я тут набросала план, что нам нужно сделать в первую очередь...

– Я и без плана знаю, что я должен сделать в первую очередь... «Не верь, что есть огонь в звездах, что солнце ходит в небесах и согревает грудь твою: но верь, что я тебя люблю!» – с этими словами Леопольд Фомич быстро поднялся и, притянув к себе жену, поцеловал ее. Но она высвободилась из его объятий:

– Ты прав, милый. Это нужно было осуществить в первую очередь, а во вторую... давай окончательно решим, как мы расселим гостей. Я тут набросала свой вариант... Послушай. Первым у меня в списке значится твой давний знакомый Павел Иванович, которого предлагаю разместить во втором номере.

– Номер, окнами смотрящий на хозяйственные постройки и мангальную зону... Ну... он же – художник, и будет все время проводить на природе, на пленэре, так сказать... Принято!

– Второй по списку значится некая Инесса Львовна, – продолжила Елизавета Капитоновна. – Она посещает нас впервые. Не имею понятия о ее пристрастиях, поэтому предлагаю отвести ей четвертый номер с видом на горы...

– Решено! Кто следующий?

– Третьим по списку значится семейная пара Непрухиных. Опять же, не знаю о них ничего. Предлагаю номер третий с видом на хребет...

– Утверждаю!

– Всех распределили. Пожалуй, и я глотну кофейку.

Она взяла чашку, насыпала кофе и налила кипятку.

– Кстати, Лизи, – Леопольд Фомич хлопнул себя по лбу, – чуть не забыл. Нас же собирается ненадолго почтить своим присутствием Дормидонт Нилович.

Ответом Леопольду Фомичу были широко распахнутые глаза Елизаветы Капитоновны, в которых читались нотки иронии, смешанной с беспокойством:

– Да, дорогой... Полагаю, его следует разместить в первом номере, напротив нас. Человек он... э-э... своеобразный, требующий особого подхода.

Позвякивая ложечкой, она размешала кофе, добавила сгущенного молока. Леопольд Фомич кивнул:

– Да... чудак, за которым не мешает и проследить...

Они рассмеялись, Леопольду Фомичу пришлось даже вытирать выступившие от смеха слезы. Елизавета Капитоновна допила кофе:

– Все, хватит. Расслабились немного, теперь о делах, – она встала, поправила и так сидящий идеально передник. – Лео, завтрак, если конечно кто-нибудь к нему придет, у меня готов. Обед тоже. А вот на ужин я хочу дать себе передышку и ограничиться сосисками с макаронами...

– Конечно, Лизи.

– Так вот, милый, походи-ка прогуляйся в магазин за сосисками.

На противоположной от гостевого дома «Приют горного странника» стороне улицы Лесной располагался одноэтажный кирпичный магазин, с советских времен сохранивший полустертую вывеску «Универсам». Штукатурка на стенах местами осыпалась, обнажив кирпичную кладку, краска на оконных рамах давно исчезла, оголив потрескавшееся и потемневшее от времени дерево.

Тяжелая металлическая дверь резко распахнулась, и на крыльце с раскрошившимися цементными ступенями появилась невысокая худощавая женщина. Ее волосы, обесцвеченные перекисью водорода, были накручены на бигуди и туго перевязаны оранжевой косынкой, соперничающей по яркости с красной помадой на губах. Звонким бойким голосом она нарушила утренний сон поселка:

– Ах ты, зараза! Муська, ты зачем сюда притопала?! Для тебя что-ли цветы тут выросли? Ты что-ли ко мне за покупками придешь? Я тут кручусь-верчусь целыми днями, а этот балбес Петька не мог даже корову привязать!

Еще не смолкло эхо, повторяющее последнюю фразу женщины, как она, громко хлопнув дверью, скрылась в магазине. Прощмыгнув за прилавок, она ворвалась в подсобное помещение, где высокий широкоплечий мужчина расставлял коробки с товаром.

– Петька, ты какого якова Муську так длинно привязал? Она же возле магазина все цветы пожрет!

Поставив на пол очередную коробку, мужчина обратил на вбежавшую женщину круглое лицо, украшением которого были пышные черные усы. Из-под буйно-разросшихся густых бровей хмуро блеснули карие глаза. Немного окая, невозмутимо-спокойным баском он произнес:

– Какие цветы, Клавдия? – имя жены он произносил почему-то с ударением на «и». – Там же крапива, да лопухи одни...

– Это для тебя – лопуха все в округе лопухи! А у меня там ромашки выросли и еще синенькие цветочки какие-то. Никифоровна шла, говорит: «Как красиво у вас! Цветочки у входа!» А тут выхожу, а цветочки-то наша Муська пожрала. Сегодня к Лизавете отдыхающие приедут, к нам пойдут, а тут вся красота съедена!

Секунды на три словесный поток Клавдии прервался, чем тут-же воспользовался Петр:

– Клавдия! Ты мотор-то свой глуши. Если нужно, я тебе этих цветочков нарву, во-он за поселком, ты их в банки поставь, они долго стоять будут.

– Ты умный такой, да? То сами росли, а то в банках. В банки и любая городская поставить может! А тут – природа!

И Клавдия сделала жест рукой, указывающий на виднеющиеся за окном горные вершины.

– Да об чем спор! Ты, Клавдия... – Петр хотел что-то сказать, но Клавдия перебила его:

– Все, замолкни! Щас астрологический прогноз на сегодня будут передавать!

Она вернулась в магазин и, нырнув за прилавок, прибавила звук радио.

– Во, слушай, глобальный прогноз от Павла Глобы... так... во! Водолеи... это мне... так... о! Удачный день для давно запланированных начинаний. Не бойтесь экспериментировать. Слышал, Петр?!

– Че? Не слышал!

– Замолкни... во... козерогам... тебе... ну, че? Ясно, че! Не стоит рисковать, что-либо предпринимать... Короче, как всегда...

В этот момент дверь магазина отворилась, и появился Леопольд Фомич.

– Во, легок на помине! – усмехнулась Клавдия. – А мы только про вас говорили, что, мол, много сегодня к вам приехать должно. Что, Лизавета вчера не все закупила?

Незаметно для Клавдии Петр вопросительно посмотрел на Леопольда Фомича, кивнув на дверь. Леопольд Фомич понял жестикуляцию соседа и слегка кивнул в ответ. Петр удовлетворенно хмыкнул и вернулся в подсобку. Леопольд Фомич обратился к Клавдии:

– Мне пару кило сосисок и два пакета макарон... вон тех, с верхней полки.

Клавдия выполнила заказ.

– Вот сдача, – она подала деньги. – А мы тут с Петром все рассуждаем. Имя-то тебе, Леопольд... это... в честь кота из мультика дали?

Она иронично посмотрела на Леопольда Фомича.

– В честь прадеда меня назвали...

– У-у, – глубокомысленно протянула Клавдия. – Да... старина глубокая...

– Ну, уж не такая и старина. Например, имя Клавдия имеет более древние корни. Клавдием именовался древнеримский император.

– Че, мужика так звали? – Клавдия разразилась звонким смехом. – Ну, Фомич, ты меня и рассмешил. Слышь, Петька, – она повысила голос. – В старину Клавдией мужиков называли.

Из подсобки послышался тягучий бас Петра:

– Ты там что, Клав, с утра пиво дегустируешь?

– Помолчи, бармалей. У нас тут может историческая беседа происходит. Мы тут... как его... гене... это... древо-то?

– Генеалогическое древо.

– Во-во, генеалогическое дерево моего имени восстанавливаем. А они когда жили-то... эти... как их?

– Римляне.

– Ну, да.

– Две тысячи лет назад.

– А че с ними сейчас-то?

– Нация пришла в упадок.

– Еще бы! – из подсобки появился Петр. – Мужиков бабскими именами называли. Вот и вымерли. Значит, сегодня к вам заезжают гости? Это хорошо. Мы гостям завсегда рады, правда, Клавдия? – он слегка шлепнул жену чуть ниже пояса.

– А ты уже и уши наострил? А кто будет в магазине работать?

– Помолчи, Клавдия. Дай мне человеку пару слов сказать.

Клавдия передернула плечами и, подперев бока руками, уставилась в окно, беззвучно, но эмоционально шевеля губами. Петр по-братски обнял Леопольда Фомича за плечи, тяжело вздохнул и зашептал ему на ухо:

– Вот так вот и трюндычит с утра до вечера. Ей-ей уже уши заложило. Ну, че... я вечером к вам зайду, новых людей хоть послушать, а то закисли мы тут в болоте этом.

– Душа общества просит?

– Во-во, это ты точно подметил. Общества просит, а то погутарить охота... во как, – и Петр показал ладонью поперек горла. – А с ней-то об чем гутарить?

Завершив приготовления на кухне, Елизавета Капитоновна поднялась в холл, расслабленно откинулась на спинку кресла, скинула тапочки и с облегчением вытянула гудящие ноги. Провела рукой по вспотевшему лбу, прикрыла глаза...

...На первый взгляд, кажется, что все сделаешь быстро, а начнешь – возникают новые непредвиденные дела. Так и крутишься весь день-деньской.

Она посмотрела на настенные часы...

...Скоро уже будут подъезжать гости. Только на минутку закрою глаза.

Леопольд Фомич, осторожно ступая, прошел мимо прикорнувшей жены к лестнице, оставившись, отыскивая радужную сетку паутинки, но солнце уже переместилось, и паутинка едва выделялась в полумраке. Леопольд Фомич вздохнул и стал спускаться вниз. Кухонная плита давно уже призывала обратить на нее внимание. Он засучил рукава, взял губку и выдал на нее щедрую порцию чистящего средства...

Вывернувшее на Лесную улицу такси резко затормозило и выпустило непрерывно охающую женщину, а затем выставило ее дорожную сумку. Развернувшись, обдало вновь прибывшую щедрой порцией дорожной пыли и скрылось из вида.

– А поосторожнее ехать он не мог?! – глаза женщины гневно сверкнули. Она достала косметичку, поднесла к лицу зеркальце. Оттуда на нее хмуро посмотрело вытянутое, заостренное к подбородку лицо с непропорционально крупным, удлинённым носом. Она тщательно, а скорее – придиричливо следила за собой, и для своих шестидесяти лет выглядела молодо, но, тем не менее, недовольство своей внешностью было постоянным ее спутником.

– Ужасно! Ужасно! – повертев головой в разные стороны, она нервно вернула зеркало на место и быстрым шагом направилась к высокому уныло-серому металлическому забору, табличка на котором гласила: Гостевой дом «Приют горного странника».

Пытаясь издали разглядеть кнопку звонка, она не смотрела под ноги, из-за чего, на одном из крупных камней, щедро устилавших дорогу поселка, каблук ее новых дорожных туфель подвернулся и предательски треснул.

– Нет, ну ты скажи, а! Что творится! И это называется у них – незабываемый отдых в горах! Что, нельзя было дорогу заасфальтировать?!

От переживаемых эмоций на ее лице выступили красные пятна. Немного отдышавшись, она нажала кнопку звонка. Ответом ей было негромкое рычание. Она подождала и снова позвонила. Рычание усилилось.

– Да они там что! Уснули все что-ли? Хорошенькое начало отдыха! – на этих словах ее монолог перекрыл отрывистый собачий лай.

– Ужасно! Ужасно! А еще рекламируют себя как гостевой дом с отличным сервисом.

Она достала рекламный проспект и мобильный телефон. На экране телефона высветилось сообщение о невозможности связи с данным местом.

– Прекрасно! О лучшем я не могла и мечтать!

Женщина в растерянности оглянулась, улица была пустыня. Напротив выцветшая вывеска указывала на наличие магазина. Неожиданное протяжное мычание заставило женщину вздрогнуть. Большая белая корова с единственным коричневым пятном на лбу, флегматично пережевывая траву, направилась в ее сторону. Женщина, как и многие городские жители, боялась коров, поэтому единственными пришедшими в голову фразами, обращенными к надвигающемуся животному, оказались: «Фу! Нельзя! Брысь!»

Корову это не остановило, а собака за забором продолжила лаять. Награждая всевозможными эпитетами поселок, корову, собаку, камни на дороге и неизвестно куда исчезнувшую администрацию гостевого дома, женщина решительно, насколько позволял сломанный каблук, пересекла дорогу и открыла дверь магазина.

Ничего не подозревающие о трудностях, неожиданно свалившихся на голову приехавшей на отдых женщины, Клавдия и Петр продолжали заниматься расстановкой товаров, одновременно проясняя для себя мучавшие их вопросы совместного бытия. Получилось так, что момент появления женщины в магазине совпал с громкой репликой Клавдии:

– Отдохнешь тут только после дождика, в четверг!

На дворе был понедельник и, не желая выслушивать дальнейшие пожелания на отдых, женщина стремительно развернулась, громко хлопнула дверью и выбежала из магазина. Расте-

рянность, обида, раздражение охватили ее. Вслед за ней на крыльце показалась Клавдия. На ее лице мгновенно появилось вопросительно-угодливое выражение:

– Вы что-то купить хотели?

В приехавшей женщине заклокотало бешенство:

– С чего вы взяли, что я у вас что-то купить хочу?

– Так вы же только что заходили в магазин! – выражение услужливой готовности на лице Клавдии постепенно уступало место раздражению.

Неизвестно, чем бы закончился их диалог, но подъехало следующее такси, на этот раз высадившее на каменистую дорогу полноватого мужчину зрелого возраста. Через его плечо, на широком ремне, был перекинут этюдник, в руках – большая спортивная сумка.

Такси уже скрылось за поворотом, а мужчина, слегка прищурив глаза за стеклышками очков, окидывал оценивающим взглядом открывающуюся взору панораму горных хребтов. Полное лицо с аккуратно подстриженной, седеющей бородкой озарила улыбка:

– Прекрасно! Отличный вид на горы!

Затем его взгляд переместился на женщину с сумкой в руках, выражение лица которой вызвало у него смутное чувство тревоги. Он снял очки и приложил платок к покрытому испариной лбу:

– Если не ошибаюсь, это улица Лесная, дом один? И здесь находится гостевой дом «Приют горного странника»?

Его бодрый голос придал уверенность вконец растерявшейся женщине:

– Вы не ошиблись, но если вы рассчитываете на гостеприимство, то заблуждаетесь. Располагайтесь на улице...

Клавдия прервала ее:

– А... так бы сразу и сказали, что приехали к Лизавете, а то мутят тут воду, от работы отвлекают.

– Нет, вы посмотрите, что творится! – лицо женщины нервно передернулось, глаза гневно сверкнули. – Я звоню в дверь, не открывают, только слышно рычание собаки. Меня чуть не забодала эта корова, и я еще и отвлекаю от работы!

Ответом ей было протяжное мычание, услышав которое женщина резко отпрянула в сторону:

– Нет, это какие-то первобытные джунгли! Даже телефон здесь не работает...

Но Клавдия прервала ее:

– Да послушайте вы меня! Тут только МТС берет. Если вы на горы подниметесь, там ваши операторы будут действовать... Щас я наберу Лизавету.

Она достала телефон и набрала номер:

– Але, Лиза, тут к вам гости пожаловали. Открывайте ворота.

Вскоре за воротами послышались шаги, и калитка распахнулась.

– Добрый день, позвольте вашу сумку, – Леопольд Фомич, не дожидаясь ответа, подхватил дорожную сумку приехавшей женщины. – Не ошибусь, если предположу, что вы – Инесса Львовна?

Взгляд женщины потеплел, она благосклонно кивнула, но тут же заметила большеголовую, мохнатую собаку, глухое рычание которой заставило ее вспомнить все недавние переживания.

Елизавета Капитоновна, подошедшая к калитке вслед за Леопольдом Фомичом, мягким голосом добавила:

– Познакомьтесь, это – наш Буян.

Передернув плечами, нервно хихикнув и стараясь не смотреть на собаку, Инесса Львовна последовала за Леопольдом Фомичом к террасе гостевого дома:

– Почему вы не открывали? Я несколько раз звонила!

– Лео, дорогой, я думала, ты отремонтировал звонок?

– Милая Лизи. Виноват. Каюсь, я увлекся другими делами, и неисправный звонок окончательно вылетел у меня из головы.

– Но вы должны были слышать лай собаки, – не унималась Инесса Львовна.

– Я был внизу на кухне... да и собака не докладывает, кого она облаивает, – Леопольд Фомич попытался смягчить неловкость ситуации обезоруживающей женщин улыбкой.

– А вы, наверное, Павел Иванович? – Елизавета Капитоновна протянула руку мужчине с этюдником. – Надеюсь, добрались нормально?

– Без проблем, – голос мужчины звучал уверенно, речь была быстрой, а мягкий баритон вызывал доверие и благожелательность. – Я попросил таксиста ненадолго остановиться, сделал эскиз замечательного вида, открывающегося при подъезде к поселку.

– Да, места у нас заповедные, – согласился с ним Леопольд Фомич. – Красивых видов хватит ни на одну сотню картин.

Гости разместились по номерам. Леопольд Фомич заканчивал ремонт звонка, когда перед воротами остановилась очередная машина. С места водителя вышел мужчина средних лет необычного телосложения – правое плечо заметно выдавалось вперед и вверх по сравнению с левым. Открыв дверь с пассажирской стороны, он помог выйти из машины невысокой, стройной, черноволосой женщине. Перебросившись парой фраз, они подошли к Леопольду Фомичу.

– Добрый день. Это – гостевой дом «Приют горного странника»?

– Вы не ошиблись, – Леопольд Фомич широко улыбнулся.

– Тогда позвольте отрекомендоваться, – мужчина протянул руку для приветствия, и Леопольд Фомич заметил, что его правый глаз несколько уступает по размеру левому. – Глеб Непрухин, а это – моя жена Люся.

Отрывистый собачий лай заглушил ответную реплику Леопольда Фомича. Люся шутливо заметила:

– Он дает понять кто здесь хозяин.

– Буян у нас строгий сторож, привыкайте, будет облаивать при встрече, – улыбнулся Леопольд Фомич.

– Это не страшно, главное – пусть не покидает своего поста, – заметил Глеб.

Супругов Непрухиных проводили в отведенный им номер. Поставив сумки, Глеб подошел к Люсе и взял ее за руки:

– Никто и не догадается, что сегодня у нас первый день медового месяца.

Люся улыбнулась:

– Мне нравится название этого гостевого дома «Приют горного странника»... Наверное, все помыслы пребывающих здесь странников устремлены во-он к тем вершинам, – и она указала на возвышающийся над лесным массивом хребет. – Глеб, давай никому не будем говорить, где ты работаешь, а то обязательно начнут расспрашивать о расследованиях, преступлениях...

– Я согласен, если...

– Что если?

– Ну... если здесь не случится какое-нибудь преступление.

– Даже если здесь что-нибудь и случится, обещаю, что ты не будешь заниматься расследованием.

Глеб обнял Люсю:

– Обещаю... в первую очередь – заниматься тобой, а преступники пусть немного подождают.

– Так... столовые приборы, салфетки, цветы – все на месте, – Елизавета Капитоновна заканчивала сервировку столов к обеду. – Лео, ты пока займи гостей.

Леопольд Фомич вышел в биллиардную комнату, где негромко беседовали Павел Иванович и Инесса Львовна, рассматривающие картины на стенах.

– Изумительные вещи, – Инесса Львовна не скрывала восхищения. – Как точно передано ощущение воды: оттенок морской лазури и белоснежная пена набегающих волн. Просто тянет окунуть в нее руки! Не могу разобрать фамилию художника, но в мастерстве он не уступает Айвазовскому!

Присоединившийся к ним Леопольд Фомич заметил:

– Эти две картины я приобрел на выставке присутствующего здесь художника.

– Как?! – Инесса Львовна в изумлении посмотрела на Павла Ивановича. – Так это ваши картины, Павел Иванович?

Павел Иванович деликатно кашлянул пару раз:

– Я – не Айвазовский и не стремлюсь ему подражать, у меня свой стиль, и он неповторим. Я горжусь своим именем и не променяю его ни на какое другое, пусть даже очень известное.

По лестнице спускались Глеб и Люся. Инесса Львовна на мгновение задержала взгляд на Глебе, затем придирчиво рассмотрев обтягивающее платье Люси, неодобрительно хмыкнула. Люся шепнула Глебу:

– Ну вот, я же тебе говорила, что мы не опоздаем к обеду. О! Да тут целая выставка картин!

Последовала череда обычных фраз, которыми обмениваются при знакомстве на отдыхе. У каждого сложилось первое впечатление о присутствующих. Вопросительный взгляд Инессы Львовны, направленный на Глеба, сопутствовал пренебрежительному, брошенному на его спутницу. Инесса Львовна натянуто улыбалась и говорила ничего не значащие фразы.

Гостей пригласили в столовую. Глеб и Люся выбрали уединение, первыми заняв угловой столик, расположенный немного поодаль. За соседним столиком оказались Инесса Львовна и Павел Иванович.

– Если вы не возражаете, я составлю вам компанию? – Леопольд Фомич вопросительно посмотрел на них.

– Что вы! Ну, конечно же, – Инессе Львовне льстило радушие и благородство хозяина гостевого дома. – Как замечательно у вас все организовано! Вы здесь хозяева?

– Мы с женой здесь работаем по найму уже почти три года. Она – администратор, а я – ее заместитель по хозяйственной части. Но все так привыкли видеть в нас хозяев, поэтому часто так и обращаются к нам. Это заведение – частный гостевой дом. Нынешний владелец сделал капитальный ремонт, потребовавший немалых вложений...

Из кухни появилась Елизавета Капитоновна с подносом, заставленным горячими блюдами. Леопольд Фомич посмотрел на нее восхищенным взглядом, прокашлялся и продолжил:

– Если бы не моя Лизи, то мы бы сейчас не сидели здесь с вами. Она работала бухгалтером, фирма лопнула, и моя дражайшая половинка наткнулась на эту вакансию. Прежние арендаторы вели дело так, что гостевой дом почти перестал приносить прибыль. Все требовало перемен, если можно так выразиться... Скажу откровенно, поначалу я был решительно против. У меня была стабильная работа, хотя... – Леопольд Фомич неожиданно прервал свою речь, положил вилку и, легким движением руки откинул волосы со лба. Он приподнял руку и обвел окружающих медленным, полным скрытого значения, взглядом:

– «Быть или не быть? Вот в чем вопрос! – первые фразы Леопольд Фомич продекламировал неторопливо, негромким голосом, но затем темп речи возрос, порождая динамизм и экспрессию. От неожиданности гости перестали есть и неподвижно замерли. – Что благороднее: сносить ли гром и стрелы враждующей судьбы или восстать на море бед и кончить их борьбою? Когда стряхнем мы суету земную? Вот что дальнейший заграждает путь!»

Леопольд Фомич замолк. Первой нарушила тишину Инесса Львовна. Она захлопала в ладоши:

– Восхитительно! Браво! Я не ожидала оказаться в обществе таких интересных и творческих людей, – она бросила взгляд на сидевшего справа от нее Павла Ивановича, затем, обратившись к Леопольду Фомичу, сказала:

– Вы увлекаетесь Шекспиром?

– Это не увлечение, – меланхолично вздохнул Леопольд Фомич. – Это состояние души...

– Понимаю, понимаю, – с живостью согласилась Инесса Львовна.

– Я бы даже сказал больше, – негромким голосом добавил Павел Иванович. – Это, так сказать (в разговоре Павел Иванович часто использовал выражение «так сказать», которое в его исполнении преобразилось в «такскаать»), потребность состояния души.

На некоторое время воцарилось молчание, прерываемое стуком столовых приборов. Но длилось оно не долго. Инесса Львовна быстро нашла тему для продолжения разговора. На этот раз она обратилась к паре молодых супругов:

– Мне кажется, что горы притягивают людей с определенным складом души... своего рода романтиков... Вы со мной согласны? – она вопросительно посмотрела в сторону соседнего столика. Глеб и Люся перекинулись быстрыми взглядами, смысл которых означал, что ответить придется Глебу:

– Мы с женой в горах впервые. У нас свадебное путешествие, и Люся, – он с нежностью посмотрел на жену, – предложила провести его в горах...

Последовала пауза, которую опять нарушила Инесса Львовна:

– Я вижу, здесь – чудесно! Сердце чувствует, что горы дарят покой, я бы сказала — полный покой...

Она продолжала одаривать окружающих первыми впечатлениями от пребывания в горной местности, сопровождая их восторженными эпитетами в адрес горного дома и своего уютного номера. Павел Иванович не принимал участия в беседе, начиная испытывать некоторое неудобство от излишне разговорчивой соседки.

Обед заканчивался. Гости допивали чай. Глеб прошептал Люсе:

– У меня сложилось впечатление, что мы здесь отдыхаем уже давно. Или горный воздух так влияет, но... ты заметила, как все непринужденно общаются?

– Дорогой, я заметила только не закрывающую рот женщину... она так высокомерно посмотрела на меня в бильярдной. Я думаю, она хочет произвести впечатление на этого интеллигентного мужчину-художника.

Павел Иванович первым поднялся из-за стола:

– Позвольте выразить свое восхищение уютной обстановкой и хорошим сервисом.

Леопольд Фомич, поднявшись вслед за Павлом Ивановичем, присоединился к нему в холле, дружески обняв его за плечи:

– Пал Иваныч, ты просто привык к походной жизни художника и не избалован всякими там гостиничными пансионами, где все включено... Кстати, я сейчас сгоняю в город ненадолго за покупками, сам понимаешь... вот, взгляни, какой список покупок составила моя женушка, – он протянул Павлу Ивановичу листок, полностью исписанный мелким, уверенным почерком. – Служба, понимаешь... Давай, перед ужином, часиков эдак в шесть встретимся, обсудим наше дело?

– Договорились, – Павел Иванович одобрительно кивнул в ответ.

Елизавета Капитоновна, по просьбе Инессы Львовны, присела выпить чашечку чая вместе с гостями.

– И как вы все успеваете? – Инесса Львовна продолжала изливать накопившиеся эмоции. – Да еще ухитряетесь так чудесно выглядеть! Кстати, а кто-нибудь еще из гостей подъедет?

– Да, – взгляд Елизаветы Капитоновны рассеянно скользнул по столу. – Один забавный пожилой мужчина, – она улыбнулась.

Инесса Львовна критично изучала Елизавету Капитоновну.

...Как ей все идет... красивые волосы, немного наивный взгляд, и одета просто, но со вкусом. А ее муж... молодо держится, как мальчишка. Как удачно они развернулись с этим бизнесом. Ну, что-же... кому-то везет.

И она глубоко вздохнула.

– Он уже останавливался у нас после каких-то разногласий со своей женой, – продолжала Елизавета Капитоновна. – Пожил пару дней, говорит: «Все. Возвращаюсь домой. Не могу жить, когда на меня никто не ворчит. Скука заедает». А на днях опять проходил мимо, зашел и говорит: «Ишо пускаете на немного деньков? А то я шибко рознообразия хочу».

Елизавета Капитоновна попыталась воспроизвести низкие хриплые нотки. Женщины рассмеялись. Потом Инесса Львовна заметила:

– Я вам по-хорошему завидую. Вы с мужем так друг друга дополняете. Это хорошо, особенно в совместном деле. А я вот иду по жизни одна. Знаете, мужчины – это не для меня, – она посмотрела на Елизавету Капитоновну пристальным взглядом, голос ее зазвучал быстрее, в нем появились холодные, металлические нотки. – У меня свои интересы: искусство, литература. Вот, посмотрела работы Павла Ивановича, в них что-то есть, некая точно схваченная глубина. Я тоже общаюсь с художниками, приобретаю кое-что для себя... Ну, спасибо вам еще раз! Все просто замечательно! – Инесса Львовна натянуто рассмеялась.

После того как Инесса Львовна покинула столовую, Елизавета Капитоновна еще некоторое время задумчиво сидела за столом.

...У этой женщины холодный взгляд, в нем сквозит жесткость натуры. И как она переменялась в лице, когда заговорила о мужчинах.

А Инесса Львовна, тем временем, догнала в холле Павла Ивановича, лениво направлявшегося в свой номер.

– О, нет. Я вас так не отпущу!

Павел Иванович уже знал, кому этот голос принадлежит, и со вздохом обернулся. С застывшей улыбкой, Инесса Львовна слегка коснулась его руки:

– Позвольте просить вас об одолжении. Я просто сгораю от любопытства посмотреть, как рождаются ваши шедевры. Надеюсь, вы мне не откажете?

– Отчего же, – равнодушно кивнул Павел Иванович, но все же добавил. – Хотя, признаться, творчество художника требует полного погружения в себя, так сказать... Где-то через часик я выйду начать, как вы изволили выразиться, очередной шедевр.

– Обещаю вам быть самой деликатностью. Я буду просто стоять и любоваться, вам не помешаю, – и она, одарив его широкой улыбкой, скрылась в своем номере.

Глеб разместился в кресле холла, его взгляд скользнул по лежащим на столике газетам и журналам. Он наугад выбрал журнал и бесцельно листал его, когда раздался звонок. В холле появилась Елизавета Капитоновна. Сняв трубку переговорного устройства, она нажала кнопку отпирания калитки.

– Еще один гость к нам пожаловал, – Елизавета Капитоновна оглядела себя в зеркале, висящем около входной двери, поправила прическу.

Вскоре, постукивая палкой, на пороге появился высокий, седобородый старик. На его голове блестел козырек моряцкой фуражки со значком в виде якоря. Заметно сутулясь, он остановился перед Елизаветой Капитоновной, шурясь и оглядывая холл прячущимися под кустистыми бровями подвижными глазами.

– Ну, хозяйшкa, встречай гостюшку, – его хриплый голос нарушил тишину холла. – Вот и свиделись ишо. Извиняйте, уж сам напросился.

Дед засмеялся и закивал белой бородой, затем достал из кармана плаща большой платок и промокнул вспотевший лоб. На нем был длинный плащ зеленовато-серого цвета, в каких обычно ходят на рыбалку; из-под него выглядывали старые кирзовые сапоги; за плечами висел

рюкзак; в одной руке была палка, на которую он опирался, в другой – пакет с поблескивающими серебристыми боками недавно пойманными рыбами.

– Доброе местечко не бывает пустечко... На-ка вот тебе, хозяйюшка, улов небольшой, – и он протянул Елизавете Капитоновне пакет.

– Ох, Дормидонт Нилыч... Ну зачем снова приносите с собой еду? Мы вас и так бы попотчевали.

– Коли Бог не дает – не поешь, а коли подвалит малеца – так всяко сгодится.

И дед засмеялся тихим смешком так, что его фигура начала покачиваться в такт смеху.

– Спасибо за рыбку. Вот к ужину будет гостям выбор блюд. Проходите сюда, Дормидонт Нилыч, – Елизавета Капитоновна указала деду его номер.

– А где муженек-то твой? Пусть зайдет, побалакаем...

– В городе он. К ужину приедет.

Дед зашаркал сапогами в отведенный ему номер. Глеб еще немного посидел, поднялся, походил по холлу, затем нетерпеливо постучал в свой номер.

– Все, все, Глебушка, уже выхожу.

Через пару минут в холле показалась Люся, облаченная в спортивный костюм.

– Я готова. Ну, куда пойдем?

– Я тут подумал... Пожалуй, на хребет надо идти с утра. Скоро уже пять часов, и мы не успеем вернуться к ужину. Давай спросим у хозяйки, куда здесь еще можно сходить.

Елизавета Капитоновна, незадолго перед этим вышедшая в холл, услышала их разговор и пришла на помощь, принеся подробную карту местности с указанием туристических маршрутов:

– Вы правы, на хребет Медвежий идти лучше сразу после завтрака.

– А это что за гора? – Люся указала на отмеченную слева от хребта горную вершину.

– Эта гора называется Белая сопка. До нее километров девять, но путь довольно проблематичен для новичков. Пробираться надо по лесистой местности, пересекаемой каменными реками...

– А что реки бывают каменные? – недоверчиво спросила Люся.

– Это остатки схода лавин с вершин хребтов.

– Я вижу еще какой-то маршрут, – Глеб указал на синюю стрелку, идущую в обход озера.

– Это путь к соседнему хребту, который называется Голубой. Если вы спуститесь к озеру, то увидите его покрытую легкой голубоватой дымкой вершину. Отсюда и название. Путь туда не близок, займет два-три дня и потребует некоторой начальной подготовки. Так что, я вам его не советую. Зато если вы, следуя по нему, пройдете километра три, огибая озеро, то выйдете к избушке староверов-отшельников.

Глеб и Люся недоверчиво посмотрели на Елизавету Капитоновну и улыбнулись.

– Нет, серьезно. Там раньше жила семья старообрядцев. Места там дикие, кроме медведей никто их и не беспокоил...

Люся ахнула:

– Так это правда, что здесь бывают медведи! А я думала, что они тут только раньше водились, и сейчас их нет.

Елизавета Капитоновна с улыбкой посмотрела на Люсю:

– Они тут не водятся, они тут живут... Да, не волнуйтесь так, – добавила она, заметив растерянность на лице Люси. – Еще не было ни одного случая, чтобы медведь побеспокоил наших гостей. Отдыхайте и набирайтесь здоровья и положительных эмоций. Все это горы предоставят вам с избытком...

Павел Иванович и Инесса Львовна по каменистой дороге спустились к озеру.

– Скажите же, разве это – не чудо?! – сорвалось с уст Павла Ивановича.

Перед ними раскинулась широкая водная поверхность, такая неподвижная и прозрачная, что казалась ложем для чистейшего, наполненного еловым ароматом горного воздуха. Со всех сторон озеро окружали каменные уступы и близко подступавший к воде лес. Берега имели изрезанные очертания и изобиловали каменными отложениями. Дальний, противоположный берег озера переходил в тайгу, за которой открывались круто поднимающиеся вверх горные массивы.

Художник установил этюдник, подготовил холст, стараясь односложно реагировать на многочисленные вопросы Инессы Львовны. Он понял, что придется терпеливо сносить эту прилипчивую, беспокойную особу, дабы не обидеть ее.

Постепенно Павел Иванович так увлекся процессом творчества, что перестал слышать монолог женщины. На холсте появлялись очертания озера, огромные камни, выступающие из воды у берега и панорама окутанных в серо-синие тона горных хребтов. Карандашный набросок был сделан, и Павел Иванович стал готовить палитру. Смешивая цвета, добился нужного оттенка, затем осторожно стал наносить первые мазки на холст. Он уже не замечал присутствия Инессы Львовны: сознание погрузилось в некий призрачный сон, когда все, находящееся вне поля зрения, стирается из сознания. Вероятно, нечто подобное овладело и Инессой Львовной. Она, затаив дыхание, с волнением наблюдала за работой художника, боясь шелохнуться, чтобы нечаянно не отвлечь его. Но все же долго удерживать свои эмоции она не смогла:

– Можно мне подержать вашу кисть? Хочу почувствовать ощущение художника в момент творения.

Ее голос резко прозвучал у самого уха Павла Ивановича. Он вздрогнул, глубоко вздохнул, снял очки и протер их платком. Потом отошел немного назад и задумчиво стал оценивать намечающийся пейзаж. Краем уха он продолжал слышать:

– Передо мною тот же вид, что и перед вами, но, увы, я лишена способности перенести его на холст.

Счастливому случаю было угодно прийти на помощь Павлу Ивановичу. На дороге показалась чета Непрухиных. Они приблизились и остановились, заворожено глядя на работу художника.

– Мне кажется, мы отвлекаем его, – Люся тихонько зашептала Глебу. – Когда на тебя смотрят несколько человек, тут не до творчества...

Непрухины, стараясь не привлекать к себе внимания, пошли по тропе вдоль озера. Инесса Львовна уже успела выпустить пары восторга в честь художественного творения Павла Ивановича, и теперь ее интерес переключился на молодых супругов.

– Вы пошли вдоль озера? Можно мне присоединиться к вам? – и, не дожидаясь ответа, Инесса Львовна бодро зашагала рядом с ними.

Павел Иванович издал глубокий вздох облегчения.

... Неужели не понятно, что художник погружен в творчество, и внешние реалии для него не существуют.

Он достал несколько новых тюбиков с красками.

– Вы знаете, куда ведет эта тропа? – энтузиазм Инессы Львовны, казалось, только прибавился в обществе Непрухиных.

– Как нам объяснила хозяйка, если двигаться по ней, огибая озеро, то мы выйдем к жилищу староверов, – Глеб задумчиво посмотрел на туманные очертания противоположного берега и возвышающихся вдали хребтов.

– Вы же не собираетесь идти к этим староверам?! – восторженно воскликнула Инесса Львовна. – А... вообще, они... что там действительно живут?

– Как я понял, нет, – задумчиво ответил Глеб. – Но... кто его знает, всякое бывает...

– Слушайте, – голос Инессы Львовны дрогнул. – Да это же непредсказуемые люди! И кто знает, что у них на уме? Вы видели, у нас появился новый отдыхающий – старик? У него какой-то подозрительный вид. А вдруг, он – один из этих староверов? – Инесса Львовна испуганно посмотрела на Непрухиных. – Вот уж не думала, что в двадцать первом веке еще живут какие-то староверы... И где! Почти рядом с нашим областным центром! Надеюсь, они не нападают на туристов?!

Глеб усмехнулся:

– Как раз наоборот... Мне пришлось, однажды, заступиться за одних старообрядцев, чтобы...

Глеб осекся, почувствовав, как Люся слегка подергивает его за край куртки. Он понял намек жены и не стал продолжать рассказ. Но было уже поздно. Инесса Львовна, безо всякого чувства неловкости, задала давно интересовавший ее вопрос:

– Вы меня, конечно, извините, но... ваше увечье... не связано ли оно с тем случаем?

Лицо Глеба помрачнело, утратив добродушно-беспечное выражение. Он достал сигареты и закурил. Между тем они приблизились к развилке тропы: левое ответвление огибало озеро, правое – уводило в лес.

– Полагаю, нам туда, – Люся указала налево.

Глеб продолжал курить, храня молчание. Они шли неторопливо, и неловкость ситуации витала в воздухе. Постепенно тропу плотно обступил еловый лес, так что солнечные лучи едва проглядывали сквозь мохнатые кроны деревьев, и озеро не просматривалось. Земля была влажной, местами приходилось перепрыгивать через лужи. Зеленый мох покрывал большие камни, стелился мягким ковром на старых пнях.

– Глеб служит в полиции, – наконец прервала молчание Люся. – Увечье он получил, когда в одиночку задерживал банду автоугонщиков. Причем, тогда он находился не на службе...

Инессе Львовне показалось, что Люся несколько раз метнула в ее сторону недовольные взгляды. Глеб, храня мрачное выражение лица, продолжал молчаливо курить.

Неловкость ситуации усиливалась, что вызвало у Инессы Львовны чувство негодования.

...Я же не просила ее подробно описывать, как и где ее муж получил это злосчастное увечье! Я только спросила про случай с этими иноверцами. Могла же просто ничего не объяснять.

Инессе Львовне уже не хотелось идти дальше. Настроение было испорчено, и она искала предлог для возвращения.

– Глеб, посмотри, сколько здесь грибов! – Люся показала в направлении старого пня. – Интересно, а они съедобные?

Глеб достал ножик и срезал небольшую кучку, сросшихся у основания грибов, осмотрел их и понюхал:

– Выглядят, как опята, но я не уверен. Бывают ложные опята.

– Давай соберем и покажем нашим хозяевам. Если они хорошие, то нам могут приготовить из них ужин.

Пока Глеб с Люсей были увлечены сбором грибов, Инесса Львовна стояла на тропе, всем своим обликом выражая неудовольствие.

...Какая глупая беспечность – собирать эти, скорее всего, ядовитые грибы!

Она бы, не раздумывая, вернулась назад, но ее пугал путь через лес в одиночестве. Остаток прогулки Инесса Львовна держалась на почтительном расстоянии от Непрухиных, которые старались не замечать испорченное настроение их спутницы.

Мазки на холсте ложились в определенной последовательности, из которой рождалась композиция. Первой нашла свое художественное воплощение вершина Голубого хребта, освещаемая начинающим склоняться к закату солнцем.

Погружение Павла Ивановича в процесс творения было таким глубоким, что он проигнорировал момент, когда некто ткнул его в бок. Затем тыканье в бок усилилось. Ощущения Павла Ивановича напоминали призрачное сознание спящего человека, которого будят, а он, наблюдая дивный сон, не хочет просыпаться, дабы не окунуться в повседневную реальность.

Легкое покашливание и усилившиеся тычки в бок заставили Павла Ивановича вернуться в окружающую реальность, и первым признаком его возвращения к действительности была мысль, что Инесса Львовна вернулась с прогулки вдоль озера и желает продолжить восхищения его творчеством.

Павел Иванович обернулся. Седовласый, сгорбленный дед, наваливаясь грудью на палку, тыкал его в бок пальцем, издавая кашляющие смешки.

– Што, оробели, кхе-кхе... Вижу, вижу, оробели... Пригожее местечко-то... Вы, гостюшко-то городской... эт, брат, сразу видать... Наш лапотник-то... он за версту о себе весть подает, вроде руки-ноги те же, ан нет... наметанный глаз сразу вашего выделит. Ну, давай поздоровкаемся... Дормидонт Нилыч, – и старик протянул красноватую, грязную руку.

– Пал Иваныч...

– Ты, чай, художником промышляешь?

– Да, я – художник. Сейчас на пенсии, езжу, рисую... так сказать, удовлетворяю духовные и материальные потребности.

– Э-э... я б тоже порисовал, да уж руки дрожат, да глаз кривой, – старик опять тихонько похихикал в ладонь. – Я ниче, што... тово... побалакаю с тобой? Ты... можо... слышал про меня? – дед зыркнул на Павла Ивановича прищуренным глазом из-под кустистых бровей.

...Про тебя мне только еще слышать не довелось.

Павел Иванович погрузился в уныние. Вслух же произнес:

– Нет, дедушка, сорока на хвосте не приносила вестей о тебе.

– Тута ведь тово... ежели кругом озера итить, так километра три будет, где я энтим летом живу-то... Изба старая уж больно, да спасибо хоть не осыпятся. Там ране староверы жили, а щас их уж там нема...

– А где бабка-то твоя? Или один остался?

– Ох ты, куды вставил... што бабка... В деревни живет, пироги печет... мать ее с яйцом курица!

Дед засмеялся и, тряся бородой, достал из кармана платок, промокнул вспотевший лоб.

– А я вона под старость лет то мир повидать захотел!

– Ты, дед, прямо как Лев Толстой. Тот тоже пошел с посохом и котомкой куда глаза глядят.

– Што ты, какой толстый? Отродясь худой был... А ну, дай-ка твою писанину-то гляну.

И дед бодро отодвинул Павла Ивановича в сторону. Постоял, молча рассматривая холст, пошевеливая кустистыми бровями, причмокивая губами и, изредка, кивая головой.

– Мудрено... Я же все иконы ранее видал, а твою-то писанину ишо не пойму...

– Я ее еще не закончил. Видишь, только небо да полоску гор рисую.

Дед недоверчиво поморщил нос:

– Шо, кормит тебя стряпня-то энтова?

– Кормит дедушка. На чай с вареньем хватает, и на том спасибо. А ты-то чем живешь?

– А я-то шо... летом живу ишшо ничаво, животину никаку не держу, так огородик токо маненький дозволил расти... дак и то у нас же тута холода, высокогорие, земляца-то плохо родит...

– А зиму-то где проводите?

– Зиму-то... – дед вздохнул и замолк, устремив взор в сторону гор.

Павел Иванович воспользовался заминкой в разговоре, отошел на несколько шагов от этюдника, в раздумье теребя пальцами бородку. Его мысли вернулись к картине.

... Кажется, уже нашел нужный оттенок, но нет, снова не то... небо до конца никак не удастся передать. Пожалуй, на сегодня надо заканчивать.

Павел Иванович, храня молчание, стал складывать кисти и тюбики с красками. Дед зашевелился и, кряхтя, заговорил:

– Вот ты спрашиваешь, где зиму провожу... То с бабкой моей, а коли заист меня поедом, дык... то хожу куды глаза глядят... кормлюсь у сторонних людей. Што мне старику? Самое малость надоть... я сам не напрошусь: коли предложит што добрый человек старику похлевать – благодарствую его, а коли забудет – так и на водиче спасибо... Душа-то живая, она добрым словом держится... Вот и тянет на людей-то, а то тоскливо иногда на душе-то... Тута вон добрые люди – Лепольдий Фомич да его благоверная Лизавета Капитонна, – на заросшем лице деда заиграла улыбка. – Добрые оне люди.

Павел Иванович посмотрел на часы. Приближалось время намеченной встречи с Леопольдом Фомичом.

– Вижу, сынок, тебе идтить надо... Да и я пойду, – кряхтя, старик поплелся по каменистой дороге в сторону гостевого дома. Павел Иванович еще некоторое время задумчиво смотрел в сторону далеких, голубых вершин, затем и сам направился к гостевому дому.

Вернувшись в гостевой дом, Павел Иванович постучал в административный номер. Ответа не последовало. Со стороны кухни доносились звуки музыки. Он спустился. Елизавета Капитоновна занималась приготовлениями к ужину.

– Как устроились, Павел Иванович?

– Спасибо, все замечательно... а Леопольд Фомич еще не вернулся?

– Сама жду с минуты на минуту.

Павел Иванович поднялся в свой номер, открыл дорожную сумку и, бережно достав из-под одежды игрушечного белого кролика, размером чуть больше ладони, посадил его на подоконник.

– Надеюсь, тебе здесь понравится, хотя... вид из окна не очень...

Потом опять вернулся к сумке и достал со дна кожаный, местами потертый от времени альбом. Сел в кресло, положил альбом на колени, поглаживая его гладкую поверхность. Размышляя, погрузился в себя...

Стук в дверь прервал его раздумья. Он быстро вернул альбом под одежду на дно сумки и открыл дверь.

– Добрый вечер, извините, если заставил вас ждать, – бодрый голос сопровождал появление Леопольда Фомича. – Если не возражаете, мы могли бы пройти в альпийскую комнату. Это – хорошее, уединенное место, где мы сможем обсудить сделку. Жду вас в холле.

Закрыв за Леопольдом Фомичом дверь, Павел Иванович обернулся к сумке, снова осторожно вытащил альбом и, бережно завернув его в пакет, вышел в холл. Мужчины поднялись по лестнице на небольшую площадку второго этажа. Отперев массивную деревянную дверь, они оказались в круглой мансардной комнате, окруженной по периметру окнами. Свет солнца, медленно погружающегося за вершину Медвежьего хребта, окрашивал стены в золотисто-оранжевые тона. Создавалось ощущение, будто комната излучает мягкий, теплый свет.

– Как вам моя альпийская комната? Посмотрите, какой отсюда открывается вид на хребет.

– Вижу, вижу... так сказать, какие перспективы можно извлечь из этой панорамы. Достаточно бросить несколько мимолетных взглядов, и в памяти запечатлется этот вид. Позже, в городе, останется только воспроизвести увиденное на холсте...

– В вас говорит художник. А я в душе философ... люблю посидеть здесь вот именно в эти часы, наблюдая, как солнечный диск медленно опускается за хребет. Я стараюсь каждый вечер поймать этот момент. Все тревобления дня уносятся прочь. Посмотрите... у вас не создается ощущение, что вы как будто и сами находитесь вне Вселенной, парите вместе

с солнцем на некой вершине мира? У Шекспира где-то есть строчки: «О, ты – властелин мира, и горы склоняются к твоим ногам, и солнце благосклонно дарит тебе свой свет...».

– А небо... – Павел Иванович, прищурившись, смотрел вдаль. – Постоянно меняются оттенки его цвета и вершины хребта...

– Вот этот миг! Смотрите... все! Последний краешек солнца скрылся за каменной грядой. Но, как светла полоса неба над вершиной...

– Это самый трудный аспект работы художника – постоянная изменчивость природы. Еще пять минут назад перед нашими глазами была совершенно другая картина.

– Можно сфотографировать, а потом неспешно переносить изображение на холст.

– Конечно, можно... Да, я так иногда и поступаю, ну... в зависимости от внешних обстоятельств, так сказать, но... понимаете дух момента, вот эта аура, которая тебя окутывает, она же питает творчество. Картина получается вдохновенной, она живет моментом творения, она им дышит.

Небо окрашивалось в фиолетовые тона, когда Леопольд Фомич заметил:

– Ну ладно, поговорили о прекрасном и вечном, пора вернуться к нашей брэнной действительности. Смею предложить коньячку, – Леопольд Фомич панибратски хлопнул ладонью по колену Павла Ивановича.

– Не откажусь, но... по чуть-чуть.

Коньяк подействовал успокаивающе на Павла Ивановича. Если и было некоторое волнение, с которым он шел на сделку, то оно окончательно рассеялось. Возможно, тому еще и способствовал уверенно-деловой тон голоса Леопольда Фомича и его благожелательное отношение. Поставив рюмку на стол, Леопольд Фомич первым заговорил о деле:

– Итак, вы привезли с собой эту марку. Ее история полнится слухами. Насколько мне известно, это была одна из первых Российских марок, используемых для оплаты почтовых услуг.

– Впервые в печати с сообщением об этой марке выступил архитектор-коллекционер Шмидт, – Павел Иванович допил коньяк, взял пакет и вытащил кожаный альбом.

– Ох, уж эти Шмидты-пострелы, везде успели. Но слухи об этой марке ходили с середины восьмидесятых годов девятнадцатого века.

– Да, и лишь за несколько дней до начала Первой мировой войны отыскалось всего три экземпляра. Первые два сейчас в частных коллекциях. А третий экземпляр поступил для комиссионной продажи в середине тридцатых годов.

– Неужели, при Сталине кто-то еще решался коллекционировать раритеты... – задумчиво проговорил Леопольд Фомич.

Павел Иванович не успел ответить, как послышались шаги и легкий стук в дверь.

– Я не помешала? – белокурая головка Елизаветы Капитоновны заглянула в комнату.

– Нет, дорогая. Мы с Пал Иванычем просто беседуем.

– В таком случае, Лео, не мог бы ты спуститься в номер Дормидонта Нилыча? Ему нужна помощь.

Леопольд Фомич бросил вопросительный взгляд на Павла Ивановича, тот утвердительно кивнул.

– Идите, идите. Я подожду.

Проходя через холл, Леопольд Фомич галантно кивнул Инессе Львовне, занятой просмотром журналов, подошел к номеру Дормидонта Ниловича, постучал и, не дожидаясь ответа, вошел, оставив дверь неплотно прикрытой, так что до Инессы Львовны долетали отдельные фразы беседы:

– Извиняй, уважаемый Леопольдий Фомич, коли отвлекаю, да вот елевизор-то не кажит...

– Как не кажет, видишь, показывает...

– Пошто тут мужик балакает? А кина-то нет! Я кина хочу...

– На этом канале мужик говорит, а чтобы посмотреть кино, нужно переключить на другой канал... Вот, смотри, тебе и кино

– Шоб тебе всегда сытно и мягко жилось... Спасибо, уважил старика. Ан нет... постой маненько. Шоб громче было сказано в кине-то этом шо нужно сделать?

Звук телевизора сделался громче, заглушив остаток разговора, после чего Леопольд Фомич поднялся к ожидающему его в мансардной комнате Павлу Ивановичу. Они опять воздали должное коньяку.

– У вас очаровательная и умная жена. Я смотрю... вы так удачно дополняете друг друга. И, кажется, она нежно вас любит, – голова Павла Ивановича слегка затуманилась от спиртного.

– Милейший Павел Иванович, я ее тоже очень крепко люблю... Ну, мы отвлеклись. Вернемся к нашим баранам...

Павел Иванович открыл альбом.

– Здесь у меня собраны марки Царской России, полная серия с наклейками... эти охватывают период с 1857 по 1867 годы, как видите, каждый лот оценивается в десять копеек по тогдашнему курсу...

Мужчины так погрузились в предмет их увлечения, что не заметили, как около двери в мансарду появилось еще одно лицо.

После того, как Леопольд Фомич покинул номер Дормидонта Ниловича и опять прошествовал на второй этаж, Инессу Львовну охватило сильное любопытство. Она сначала подавляла его, но, в конце концов, любопытство одержало победу. Инесса Львовна, стараясь ступать как можно тише, поднялась в мансарду. Дверь оказалось незапертой, и она слышала, о чем велся диалог внутри комнаты. Отчетливо звучал голос Павла Ивановича:

– Эта марка 1857 года гашеная, точечный штемпель. На рынке сегодня ее стоимость не менее сорока тысяч... а вот и вертикальное Вердже...

Инессе Львовне стал понятен предмет беседы. Очевидно, речь шла о редких, коллекционных экземплярах марок. Ее любопытство еще более возросло. Она колебалась, но не смогла себя перебороть и осторожно открыла дверь.

– Ох, прошу извинить мое вторжение, – она с невинно-рассеянным выражением лица обвела взглядом комнату. – Какой у вас замечательный вид из окна. Потрясающе! Эта комната предназначена для отдыха?

Тут ее взгляд как бы случайно переместился в сторону сидящих мужчин. Она успела заметить, как Павел Иванович быстро закрыл альбом.

– Извините, если я вам помешала. Вижу, вы тут что-то рассматриваете.

Она приблизилась к столику.

– А что это у вас?

Мужчины, застигнутые врасплох, и не пытались деликатными фразами маскировать свое нерасположение к общению с Инессой Львовной. Ей достаточно было беглого взгляда на них, чтобы понять – она тут нежелательная персона. Но любопытство пересиливало неловкость, которую испытывала Инесса Львовна. Она стояла около столика в надежде на приглашение присоединиться к просмотру альбома. Любопытство жгло, но затянувшееся молчание было не в ее пользу.

– Ну... все понятно, – Инесса Львовна еще раз оглядела комнату. – Не буду вам мешать. А здесь уютно, очень уютно.

И она, придав лицу гордый, с оттенком пренебрежения вид, быстрым шагом покинула комнату.

– Да... эта женщина не страдает комплексом скромности, – Павел Иванович встретил понимающий взгляд Леопольда Фомича.

– Полагаю, сейчас нам не нужны желающие пообщаться, – Леопольд Фомич поднялся и запер на ключ дверь. Они продолжили неторопливо беседовать, внимательно рассматривая марки.

Настроение Инессы Львовны опять было испорчено. Она вернулась в свой номер, задержалась перед овальным настенным зеркалом.

...Нет, я определенно похудела. Еще бы! Сначала эта получасовая тряска по камням в такси... Да и обед был так себе, посмотрим, что предложат на ужин.

Она откинула со лба волосы и придирчиво изучала свое лицо.

...Ужасно! Даже для моих шестидесяти.

Она считала, что окружающие постоянно смотрят на нее, оценивают, обсуждают. И от этого ощущения ей делалось не по себе. Ей казалось, что она не так ходит, нелепо одевается и, вообще, все делает не так. И, в довершение ко всему, эта злосчастная прогулка вдоль озера.

...Зачем я только напросилась на нее?.. Эта парочка отнеслась ко мне неприязненно. Это еще не самое неприятное, хуже того – они меня просто не замечали! А если и обращались ко мне, то в их голосах сквозила ирония! Нашли девочку посмеяться! Пусть на себя посмотрят! Да что эти Непрухины... молодые еще... ну, а эти-то, мужики, каковы, а? Подумаешь, рассматривают альбом! Можно же элементарно вести себя вежливо, по-джентльменски с дамой. На столе – бутылка коньяка, бокалы, можно и предложить даме, просто, ради знака внимания. Я и не собиралась разглядывать потрепанные марки, нужны они мне... Потрепанные, но, судя по их разговору, дорогие! Живешь тут на пенсию, с трудом откладываешь на недельный, летний отдых, а тут, похоже, одна марка столько же стоит.

Приближалось время ужина, Инесса Львовна спустилась вниз и заглянула в столовую: Елизавета Капитоновна сервировала столики. Инесса Львовна задержалась в биллиардной комнате, переключив внимание на картины. Вскоре на лестнице показались Непрухины. На Люсе было облегающее фигуру белое платье с крупными черными квадратами, ее черные волосы были собраны на затылке в хвост.

Инесса Львовна поморщилась.

...Воображает из себя девочку-подростка. И этот дурацкий хвост совершенно не идет ей.

Инессу Львовну так и подмывало подойти к Люсе и высказать свое мнение ей в лицо.

...А ее муж... уж если быть откровенной, то его искалеченная фигура кроме жалости ничего не вызывает. Да еще эти разные по размеру глаза, кажется, он ими просвечивает тебя насквозь, как рентген... Уф, неприятная пара.

Она, презрительно хмыкнув, отвернулась и сосредоточила внимание на картинах. Стук палки по ступенькам заставил ее снова обратить взор на лестницу.

...Вот и противный старикашка. Не знаю почему, я вроде бы почтительно отношусь к пожилым людям, но этот старик интуитивно вызывает неприязнь. Я вообще не пойму, что он тут делает? Почему ему позволяют приходить в столовую в этом потрепанном плаще и сапогах? Здесь ему что, проходной двор какой-то?! Существуют же элементарные правила этикета! Так извольте, находясь в культурном заведении, им следовать. Понятно, он – такая глухомань, что и не слышал об этих правилах, но куда смотрит Леопольд Фомич? Он позиционирует себя таким... джентльменом, мог бы деликатно намекнуть старику, что при дамах надо соблюдать правила поведения, принятые в порядочном обществе...

Из столовой выглянула Елизавета Капитоновна:

– Уважаемые гости, добро пожаловать на ужин.

Инесса Львовна заторопилась, чтобы занять свое место за столиком.

– Хозяюшка, куда прикажите присесть? – зашамкал губами вошедший в столовую Дормидонт Нилович.

– Присаживайтесь сюда, Дормидонт Нилович – Елизавета Капитоновна указала место, которое в обед занимал Леопольд Фомич.

– Пойдите, – выпалила Инесса Львовна. Ее испугала перспектива оказаться бок о бок с этим неприятным субъектом. – Здесь же сидел Леопольд Фомич. Куда он сядет?

– Не беспокойтесь, – с извинительной улыбкой ответила Елизавета Капитоновна. – Леопольд Фомич занимается приготовлением бани, поэтому он поужинает попозже.

Дормидонт Нилович, охая, приставил к стене палку и опустился на стул рядом с Инессой Львовной. Прищурился, он вдруг погрозил ей пальцем:

– Пошто впереди старика-то бежишь? Старика везде вперед пущать надобно... Ишшо поживи с мое-то, узнашь, что старость – не сладость, да в карман ее не засунешь, – он горестно вздохнул.

Инессу Львовну бросило в жар. Она хотела тут же вскочить и пересесть за другой столик, но в этот момент в столовой появился Павел Иванович.

– Приятного аппетита. Вижу, я опять опоздал к раздаче. Надеюсь, мне что-нибудь перепадет?

Его опрятный вид и доброжелательная улыбка успокоили разбушевавшиеся нервы Инессы Львовны. Она даже громко рассмеялась в ответ на его шутливое замечание.

– Да, служба службой, а ужин – по расписанию, так сказать, – Павел Иванович, потирая ладони, занял свое привычное место. – Я только что выходил на улицу и почувствовал приятный дымок березовых дровишек. Растапливаете баньку?

Из кухни появилась Елизавета Капитоновна:

– О... это любимое занятие моего мужа. Вечером вас ожидает русская банька. А присутствующий среди вас Дормидонт Нилыч – хороший рыбак, и его сегодняшний улов я и предлагаю вам продегустировать.

Она широко улыбнулась и стала аккуратно расставлять тарелки на столики.

– А какая рыбка-то, дедушка? – обратился к старику Глеб.

– В эту пору да ишо и местечко коли знамо, так и знатна рыба клюет-то, – Дормидонт Нилович обвел присутствующих упрямным под густыми бровями взглядом, достал из плаща платок и промокнул лоб. Затем вернул платок в обвислый карман плаща и, кряхтя, продолжил. – Рыбка-то знатна, коли знамо, как к ней идить-то. Седни харис клевал, да ишшо окунишка пожаловал.

– Если кто из гостей желает макароны с сосисками, то я сейчас принесу, – предложила Елизавета Капитоновна.

– Принесите мне, пожалуйста, – с напускной вежливостью попросила Инесса Львовна.

Дормидонт Нилович поглядывал на Инессу Львовну, поглаживая бороду и покряхтывая:

– Опробуйте рыбку-то, опосля где ишо таку отведаете-то.

Все, за исключением Инессы Львовны, с аппетитом поглощали предложенное угощение. Дормидонт Нилович продолжал крутить головой, двигая туда-сюда бровями, внимательно изучая лица гостей. Остановив свой взгляд на присоединившейся к их столику Елизавете Капитоновне, он вымолвил:

– Што тута говорить-то, все у вас ладно, хозяйюшка, все чин по чину... ан... так ведь и... – он замялся, словно собираясь с мыслями и, виновато шурясь по сторонам, проговорил:

– Так ведь в народе-то как ишо говорят: «Не надо нам хормного стекла, лишь бы водочка текла», – и дед, хрипло засмеявшись, стал оглядываться, ища поддержки у окружающих.

Инесса Львовна, до того с трудом сдерживавшая нарастающее раздражение, тут не вытерпела:

– Надо иметь уважение к окружающим, вы ведь не в кабак пришли, а в культурное учреждение и, вообще, вы могли бы снять головной убор в общественном месте, где присутствуют дамы!

Если бы Инесса Львовна могла сейчас взглянуть на себя в зеркало, то пришла бы в ужасное расположение духа: она покраснелась, глубокие морщины избороздили лоб, а искаженный в гневе рот придавал лицу брезгливую гримасу.

Дед молчал, и в столовой воцарилось молчание. Гости сосредоточились на своих тарелках. Нависшую напряженную паузу нарушил робкий голос Люси:

– Извините, а можно еще соли? У нас пустая солонка.

– Ох, какая я разиня! – Елизавета Капитоновна всплеснула руками и, мысленно поблагодарив Люсю за отвлекающую спасительную реплику, принесла из кухни соль.

– Вот и сольца нашлась, – не унимался дед. – Соль всему голова, без соли и жито трава... Да-а, вона раньше как... соль была на вес злата...

Инесса Львовна метнула такой взгляд в сторону старика, что сидевший напротив нее Павел Иванович почувствовал острую необходимость вмешаться и разрядить грозовую тучу, сгущавшуюся в столовой. Он обратился к вернувшейся с кухни Елизавете Капитоновне:

– Вы продукты закупаете в магазинчике напротив?

– Нет, этот магазин обслуживает жителей поселка, да еще приезжие гости иногда там делают покупки. Муж ездит в Лесогорск и берет продукты оптом. Получается выгоднее.

– Вы говорите про городок, на пути к вам? – голос Инессы Львовны дрожал, выдавая раздражение. – Он весь покрыт пылью и дымом! Создается ощущение, что ты попал на какую-то большую шахту: кругом горы каких-то шлаков или еще чего-то...

– Это отвалы отработанной горной породы, – пояснила Елизавета Капитоновна. – Отработанная медная руда, к сожалению, сваливается неподалеку, практически в черте Лесогорска. И за многие годы работы меднорудного комбината образовались эти горы.

Инесса Львовна взорвалась от негодования:

– Но они что! О людях вообще не думают?! Чем там дышат люди?! Я пока пересаживалась с автобуса на такси, так меня до слез замучил кашель... Эта едкая пыль создает какой-то сладковатый привкус во рту. Она же проникает в легкие! А потом возникают всякие болезни! Ну, у нас же богатое государство, и ему легче всех лечить, чем предотвращать болезни!

Опять наступила пауза, но ненадолго. Павел Иванович обратился к соседнему столику, занимаемому четой Непрухиных:

– Вы далеко ходили вокруг озера? Дошли до староверов?

– Мы собирались дойти и посмотреть на этих старообрядцев, – бодрый голосок Люси пришел на смену нескончаемому потоку жалоб Инессы Львовны. – Но путь оказался длинным, да... к тому же еще, вся тропа была в огромных лужах, идти было тяжело, и мы вернулись.

– Люся, будь до конца откровенной, – прервал ее Глеб. – Она не договаривает, что все время теребила меня за рукав и шептала: «Давай вернемся, а то я боюсь, вдруг из-за кустов выскочит медведь».

– Не смешно, Глеб, – заметила с укоризной Люся. Она собиралась еще что-то добавить, но в этот момент Дормидонт Нилович, стараясь не привлекать к себе внимания, сильно ткнул пальцем в бок Инессу Львовну, сопроводив свои действия вопросом:

– Ты пошто рыбку-то не кушаешь? И некажешь ничево про нее? Она бы тебе хорошо пошла...

Лицо Инессы Львовны и так не отличалось благожелательностью в этот вечер, но тут оно изменилось до неузнаваемости: гримаса ярости перекосила рот, глаза расширились от гнева:

– Да вы что себе позволяете?! Совсем с ума спятили!

Причина, вызвавшая эмоциональный всплеск, осталась незамеченной окружающими, и они с недоумением посмотрели на Инессу Львовну.

– Нет, вы посмотрите на него! Он же ткнул меня чем-то в бок! Да он – больной на голову!

Она в бешенстве бросила вилку на стол, вскочила и выбежала из столовой. Следом за ней поднялась Елизавета Капитоновна:

– Дормидонт Нилович, любая шутка имеет свои границы, и любые остроты приятны в меру. Вы, похоже, увлеклись... – и она поспешила вслед за Инессой Львовной.

Дормидонт Нилович достал из кармана платок и тщательно протер лоб, на котором блестели крупные капли пота.

– Да я-то што? – он виновато оглядывался по сторонам. – Сиж тут... опенок опенком... Дай, думаю, спрошу, пошто она рыбку-то не пробует. Нет, коли энтова ей неидет так ты скажи, пошто не скажешь-то. Я хоть и дед дремучий, а пойму.

Он помолчал немного, покачал головой:

– А палец-то на што? – дед поучительно выставил вверх указательный палец в качестве средства для начала общения. – У нас, в деревни-то таково обращение было. Во-о, суть где! В пальце. Он те и перст, он те и глас!

Старик несколько раз потряс поднятой рукой, пристально обводя присутствующих насупленным из-под бровей взглядом.

Елизавета Капитоновна сумела догнать Инессу Львовну у дверей номера.

– Вы что-то хотели мне сказать? – Инесса Львовна резко обернулась, сжав губы в гримасу обиды и презрения.

Елизавета Капитоновна, считая себя ответственной за произошедший неприятный случай, смутилась и покраснела. Инесса Львовна была готова вскипеть, бросить какую-нибудь дерзость в лицо Елизавете Капитоновне, но, видя, в каких расстроенных чувствах пребывала хозяйка гостевого дома, смягчилась, остыла и примирительным тоном сказала:

– Я не дурочка, я все понимаю. Не ваша в том вина, что старик совсем выжил из ума.

– Инесса Львовна. Я организую так, что, впредь, Дормидонт Нилович будет посещать столовую отдельно от гостей.

– Спасибо вам. Я ценю вашу заботу, – Инесса Львовна натянуто улыбнулась и скрылась в номере.

Елизавета Капитоновна, спускаясь в столовую, встретила Дормидонта Ниловича. Старик, кряхтя, поднимался ей навстречу:

– Ну, спасибо, хозяйюшка... вижу, сделал малость лишку... так извиняйте уж меня. Будут в рай зачислять, так оно мне и зачтется...

Стараясь держать себя спокойно, четко выделяя каждое слово, Елизавета Капитоновна произнесла:

– Уважаемый Дормидонт Нилович. Рада слышать, что признаете свою вину за случай в столовой и, надеюсь, вы извинитесь перед Инессой Львовной.

– Пошто не извиниться-то?! – старик, недоумевая, развел руками. – За извини плату не требуют...

И, постукивая палкой, он, охая, продолжил медленно подниматься по лестнице.

Глеб из ковша плеснул воду на каменку печи. Послышалось шипение, и клубы пара, обдав жаром лицо, окутали баню. Распаренный березовый веник источал аромат летнего леса. Глеб еще раз окунул его в таз, достал, дал сбежать воде и начал легко помахивать над лежащей на полке Люсей.

– О! Как чудесно, Глеб! Нет, русскую баню ничем не заменишь. Как здесь хорошо. А какой стоит аромат соснового и березового леса! – Глеб похлестывал веником спину Люси. – Я не жалею, что настояла на нашем приезде сюда.

Лицо Люси покраснело от жара, глаза блестели:

– Интересно, как там наша дочурка с мамой? Надо им позвонить.

– Завтра с утра пойдем на вершину, оттуда, говорят, есть связь с миром. Я тоже пытался позвонить на работу, но телефон – вне зоны действия сети.

– Надеюсь, ты не собираешься и тут заниматься своей работой? Дай преступному сообществу вздохнуть свободно и насладиться безнаказанностью.

– Но... от бездействия у меня притупится профессиональный нюх.

– Опять ты мне про свой нюх... После сегодняшнего инцидента за ужином я уже боюсь, как бы и здесь не произошло какое-нибудь преступление, – иронично заметила Люся.

Уже совсем стемнело. Елизавета Капитоновна в столовой встречала гостей:

– Проходите, проходите, милые гостюшки... прошу на чашечку чая. Надеюсь, наша банька пришлась вам по вкусу?

– Мы просто улетели от восторга, Елизавета Капитоновна! – Глеб и Люся последними из гостей оказались в столовой. Павел Иванович и Инесса Львовна уже сидели за своим столиком. В компании с ними находился Леопольд Фомич.

Инесса Львовна не сразу решилась принять приглашение и посетить баню, очень сильными были раздражение и обида. Пробыв некоторое время в номере, поостыв, она решила, что поскольку случай предоставляет шанс и, тем более, посещение бани входит в стоимость отдыха, то было бы глупо с ее стороны не воспользоваться им. Баня оказала благотворное, успокаивающее воздействие на взвинченную нервную систему Инессы Львовны, а отсутствие в столовой Дормидонта Ниловича еще более укрепило ее в благоприятном расположении духа.

– А знаете ли вы, что посещение бани приносит большую пользу душе и телу, если придерживаться научного подхода, – теперь уже Леопольд Фомич поучительно поднял указательный палец.

– Да что уж там научного, – Инесса Львовна полностью расслабилась и искренне рассмеялась. – Преподайте нам урок.

– Вам, дорогая Инесса Львовна, с удовольствием. Итак, поначалу необходимо посидеть, на полке, ну... кто где может... повыше – жарче, пониже – посвежее. Пропотеть хорошо, с потом выйдет вся нечисть, – он рассмеялся. – После этого можно выйти в прибанок, отдыхать и снова окунуться в жар. Теперь начинаем париться. Венички заготавливают заранее, замачивают в теплой воде. Кстати, насчет березовых веничков, их заготавливают в июне, когда листва уже набрала сок, но еще не стала жесткой...

Они продолжали беседу. От банной тематики, переключились на здоровое питание, обсудили влияние экологии на человека. Чай с заварными пирожными, домашнее варенье, создавали в столовой теплую атмосферу.

– Баня, походы в горы – все это замечательно, – рассуждала Инесса Львовна. – А как насчет вашего озера? Медвежье, кажется, оно называется? Туда приходят искупаться медведи?

– Не беспокойтесь, медведи купаться в озеро не ходят. Озеро расположено в горной впадине, – Леопольд Фомич откинулся на спинку стула с чашечкой чая в руке. – Его питают родники, подземные реки, создавая проточность воды.

– Мы прогуливались сегодня по берегу, и я обратил внимание, что все дно довольно каменистое, – вмешался Глеб, хранивший до этого молчание.

– Купаться-то можно? – не отступала от него Инесса Львовна. Выбирая место для отдыха, она учитывала расположение водоемов, так как считала, что купание в естественных условиях благотворно влияет на здоровье.

– У нас здесь высокогорье. Озеро расположено на высоте свыше семиста метров над уровнем моря, и жара не такая, как на равнинах. Добавьте к этому значительные суточные колебания температур. Поэтому, даже в июле, вода не прогревается выше шестнадцати-восемнадцати градусов.

– Жаль... а я рассчитывала, что смогу позагорать и искупаться, – вздохнула Инесса Львовна. – Я слышала, в горах загар сильнее и дольше сохраняется?

– Пережариться можно, солнечная радиация в горах значительна. Тем более, постоянно дующие ветры создают обманчивое ощущение прохлады...

– Здесь, наверное, полчища комаров, слепней и прочей кусающей твари? – не унималась Инесса Львовна.

– И тут могу вас успокоить, – Леопольд Фомич благосклонно взглянул на нее. – Если бы вы приехали в июне или июле, без специальных мазей, вас бы сожрали, особенно донимают слепни: их укусы болезненны и долго не заживают. А сейчас, в конце августа, их уже нет...

Его прервал звонок со стороны калитки. За ним последовал собачий лай. Леопольд Фомич и Елизавета Капитоновна вопросительно посмотрели друг на друга.

– Мы вроде никого сегодня больше не ждем, – в голосе Елизаветы Капитоновны звучал вопрос. – Все, забронировавшие места гости, уже на месте. Если только кто-либо проездом, мимо, переночевать. Бывает и такое, едут транзитом, находят по Интернету наш гостевой дом и среди ночи просятся на ночлег.

Звонок повторился. Буян заливался лаем.

– Пойду, посмотрю, кто пожаловал, – Леопольд Фомич нехотя поднялся.

– Надеюсь, пришелец не окажется еще одним добрым старичком с палочкой, – Инесса Львовна саркастически рассмеялась.

Худшие опасения Инессы Львовны оказались беспочвенными. Леопольд Фомич вернулся в столовую в сопровождении коренастого мужчины с пышными черными усами.

– Петр, – приветствовала незнакомца Елизавета Капитоновна. – Давненько к нам не заходили. Дорогие гости, – она обратилась к присутствующим. – Позвольте представить вам нашего соседа.

– Иду мимо, смотрю... окна светятся, ну, думаю, загляну на огонек, погутарить, – раскатыстый, окающий басок Петра заполнил пространство столовой.

– Петр, присаживайтесь... – Елизавета Капитоновна повернулась к чете Непрухиных. – Вы не будете возражать против нового соседства за вашим столиком?

– Будем только рады, – приветствовал его Глеб.

– Я не с пустыми руками. Как говорится: «От нашего стола вашему». Давай хозяин, угощай гостей, – неуклюже переваливаясь, Петр достал из захваченного с собой пакета бутылку вина.

– Никак из магазинчика товар-то, – прищурился, приценивался к бутылке Леопольд Фомич. – Презент от тебя с Клавдией?

– Обижаешь, хозяин, – щеки Петра побагровели, глаза беспокойно метнулись в сторону Леопольда Фомича. Он напоминал ученика, застигнутого учителем за списыванием задания. – Это – из моих личных запасов.

– Вот вам рыбка, – Елизавета Капитоновна поставила перед Петром тарелку. – Один из наших гостей принес свой улов.

– Похоже, безалкогольный вечер нам не грозит, – ирония сквозила в словах Инессы Львовны. Она пристально оглядывала Петра. – Пойдите, так вы работаете в магазине, напротив? И ваша жена там работает?

– Угу, – изрек Петр, мгновенно нацелившись вилкой на манящий золотистой поджаркой рыбий бочок. – А вы с ней, что... знакомы?

Инесса Львовна передернула плечами и, повернувшись к мужчинам за ее столиком, быстро зашептала:

– Да она у него бешенная. Я ничего не собиралась покупать, просто, по приезде, зашла спросить, почему не открывают. А она как выскочит за мной на крыльцо. Да вы же, Павел Иванович, как раз подъехали. Сами все видели, как она стояла и орала...

Леопольд Фомич сделал вид, что не расслышал шепота Инессы Львовны. Он посмотрел в сторону Елизаветы Капитоновны:

– Лизушка, принеси нам бокалы.

На столиках оказались бокалы, наполненные вином.

– Уважаемые гости. Мы, я имею в виду себя и мою дорогую хозяйшку – Елизавету Капитоновну, мы рады приветствовать вас в нашем гостевом доме. Надеюсь, вы хорошо устроились. Позвольте мне пожелать вам приятного отдыха, знакомства с нашими горами и лесами. Мы же, в свою очередь, возьмем на себя ваши бытовые заботы. Предлагаю тост за ваш полноценный отдых.

Вино сыграло свою раскрепощающую роль, и беседа в столовой потекла непринужденнее. Даже Инесса Львовна пренебрегла строгими принципами культурного учреждения и попробовала вино. Об отсутствующем Дормидонте Ниловиче никто не вспоминал. Петр, давно стремившийся в общество, где можно свободно погутарить, сразу вошел в роль рассказчика:

– Да... места здесь хорошие. Сейчас ягоды пошли. Если на вершину хребта поднимитесь, так там, среди можжевельника и камней, прямо россыпи ягод: и брусника, и черника, и шикша...

– А что за шикша? – прервала его Инесса Львовна. – Я не слышала о такой ягоде.

– Ее еще вороникой или водяникой называют, – пояснила Елизавета Капитоновна. – У нее листья узкие, жесткие, напоминают палочки, а ягоды черные, пресные на вкус.

– Зато, – добавил Леопольд Фомич, – эта невзрачная, пресная на вкус ягодка отлично утоляет жажду, лечит головную боль, а витаминов в ней больше, чем в клюкве...

– Еще бы туда подняться, на этот хребет, – недоверчиво заметила Инесса Львовна. – Подъем сколько времени занимает?

– Если так это... не спеша идти, – Петр начинал осваиваться в новой компании, – то подъем займет часа три. Вся тропа размечена, и с пути вы не собьетесь. Правда, в некоторых местах придется карабкаться на карачках...

– Что? Такой крутой подъем? – недоверчиво спросила Люся.

– Ну... это уже совсем, когда к вершине будете пробираться. Там камни большие, и приходится хвататься за них руками и ползти, как на четвереньках только вертикально.

– Кстати, Люся, – вспомнил Глеб. – Мы же принесли грибы и хотели узнать, они съедобны или нет. Ты их положила у двери и забыла.

– Ой, действительно. Подождите, я сейчас принесу.

Люся вернулась в столовую, держа в руках полный пакет рыжевато-коричневых грибов.

– Ну-ка, ну-ка, – Петр заглянул в пакет. – Ну... это опята, стопудово! Вы их на тропе к староверам брали?

Люся утвердительно кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.